

ОТЗЫВ

официального оппонента М.В. Лескинен

на диссертацию Л.М. Аржаковой

«Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века»,

представленную на соискание степени доктора исторических наук

по специальности 07.00.09

«Историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Диссертация Ларисы Михайловны Аржаковой представляет собой исследование, посвященное критическому осмыслению традиции изучения истории Польши и польского народа в российской исторической науке и публицистике XIX столетия. Автор избрал предметом своего рассмотрения один из важнейших аспектов российско-польских отношений, опыта взаимодействия и политического противостояния, – а именно так наз. «польский вопрос». Поскольку понимание и дефиниции этого не ставшего нормативным понятия не имели четко зафиксированного терминологического значения, а его интерпретация на протяжении последних двух столетий изменялась, диссертантка обратилась к сложной проблеме трактовки той совокупности определений, гипотез о возникновении, вариаций хронологических рамок и оценок, которая и создавала представления о «польском вопросе» в российской историографии XIX в. Основным объектом внимания Ларисы Михайловны стали сочинения российских полонистов и общественных деятелей, обращавшихся к сюжетам польской истории и польского национального сознания в связи с размышлениями о польских восстаниях в Российской империи и о российской политике в отношении поляков.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена анализом комплекса проблем, которые до сих пор не получили однозначной трактовки в отечественной исторической науке: во-первых, это само толкование значения понятия «польский вопрос» и оценка его места в русской общественной мысли в процессе формирования имперского и национального сознания в Российской империи. Во-вторых, взгляды русских историков на польскую государственность и эволюционировали на фоне и в тесной связи со взаимными предубеждениями и историческими «обидами», сохраняющимися в национальной памяти двух сторон. Потому изучение влияния данного этнокультурного контекста представляется очень важным как для истории исторической науки, так и для реконструкции механизма действия этнических стереотипов восприятия этими славянскими народами-соседями друг друга.

Научная новизна и теоретическая значимость диссертации состоит в целостном и масштабном изучении проблемы преломления «польского вопроса» в отечественной исторической науке XIX века. Диссертантка подвергла анализу все значимые исторические сочинения, в той или иной степени отразившие проблематику «польского вопроса», – в том числе и труды славистов более широкой специализации (что предпринималось ранее довольно редко). В таком объеме и полноте привлекаемый ею комплекс источников как единый текстовый массив рассматривается в современной отечественной историографии впервые. Кроме этого, Лариса Михайловна обращается и к тем текстам, которые ранее не соотносились исследователями с данным (т.е. полонистическим) дискурсом эпохи – это, в частности, неизданные лекции О.М. Бодянского и работы Н.И. Павлицева. Реконструкция трактовок «польского вопроса» в контексте процессов общественно-политической жизни России также представляется несомненным вкладом в изучение национальной политики Российской империи.

Основным *предметом* рецензируемой *диссертационной работы* стала научная историческая мысль, отразившая восприятие русским обществом истории польского государства до разделов и польского народа после них. *Хронологические рамки* исследования определяются автором временем вхождения части польских земель в Российскую империю после Венского конгресса (с 1815 по 1830 гг. имевшими статус Царства Польского, позже именовавшихся Привислинским краем) и до Первой мировой войны (с. 6–7). «Преломление польского вопроса» в российской полонистике XIX века Л.М. Аржакова предлагает интерпретировать «... как попытку или опыт русско-польского диалога» (с. 4), связывая при этом изменения в его научно-исторической интерпретации со «сдвигами» (с. 6) в методологии исторических исследований на протяжении XIX столетия.

Структура диссертации отвечает, – как утверждает автор, – цели (установить характер взаимодействия «польского вопроса» и российской полонистики – с. 7) и задачам работы (с. 7–8) и определяется хронологическим принципом изложения. Исследование состоит из введения, основной части (четырёх глав), заключения, библиографии.

Во введении автор обосновывает актуальность темы и новизну избранной проблематики, определяет объект, предмет и хронологические рамки исследования, ставит цель и задачи работы, характеризует источниковую базу и применяемые методы, раскрывает теоретическую и практическую значимость диссертации, аргументирует принцип структурирования текста и перечисляет основные положения, выносимые на защиту.

Во введении же помещен обширный и представляющий исключительную значимость для исследований, анализирующих историографическую традицию, раздел «Степень изученности темы» (с. 15–66 рукописи, с. 14–19 автореферата). Он, на наш взгляд, заслуживает статуса отдельной главы основной части диссертации, поскольку является отнюдь не формальным разбором различных историко-методологических школ и направлений (главным образом отечественной и польской исторической науки), обращавшихся к рассмотрению «польского вопроса» в русской науке и публицистике прежде. В этом разделе представлен детальный анализ исторических трактовок понятия «польский вопрос», рассмотрены существующие в научной литературе прошлого и настоящего дефиниции, а также различные варианты обусловленных ими хронологических рамок его бытования. Здесь же Л.М. Аржакова вступает в полемику со многими учеными предшественниками, выделяя лакуны, противоречия и нестыковки, что позволяет ей убедительно сформулировать свое мнение о различных историографических позициях, рассматривая их в контексте эволюции польско-российских отношений и уровня развития гуманитарных наук в целом. На наш взгляд, размышления диссертантки о реализованных и возможных на новом этапе путях изучения «польского вопроса» являются удачным образцом обоснования исследовательской проблемы в диссертационном исследовании.

Представленная в этой части трактовка «польского вопроса» не только в исторической науке, но и в публицистике эпохи, и в русском общественном мнении обнаруживает некоторую небезупречность избранного диссертанткой в качестве структурообразующего *хронологического* принципа изложения. Во-первых, как сказано, «логика исследования эволюции польского вопроса заставляет ... рассмотреть то, как ... задолго до XIX века формировалась русская традиция в подходе к польскому вопросу» (с. 7) – из чего можно сделать вывод, что «польский вопрос» априори восходит к более раннему периоду, в то время как установление времени его возникновения является одной из задач диссертации. Во-вторых, даже простой перечень тем, соотносимых с «польским вопросом» как в российской, так и (это важно) в польской историографии XIX века, укладывается в несколько узловых проблем или полемических блоков. Среди них следует выделить: а) соотношение польской «темы» и польского «вопроса» как расширенного (геополитического) и узко-исторического (польского как государственно-политического) толкований его как двусторонних отношений славянских соседей; б) своеобразие польского политического строя – шляхетской демократии, – традиционно противопоставлявшегося московскому (русскому) самодержавию; в) причины падения (разделов) Речи Посполитой; г) проблема права народа на собственную государственность

или особый политический статус/ национальные институты и т.п. в составе иноземных политических образований и др.

Эти ключевые социально-исторические проблемы, к которым обращаются почти все без исключения авторы, в свою очередь, могут быть распределены по нескольким позициям – в зависимости от того, как понимался этот самый «вопрос» – а) как «польское дело» («polska sprawa») в международном аспекте – т.е. как проблема положения поляков в государствах-участниках разделов Речи Посполитой и в Российской империи в частности; б) как вопрос о Конституции Царства Польского (1815–1830) и двух восстаниях, ставших следствием несоблюдения правовых норм (позиция польских патриотов); в) как обозначение всей совокупности польско-русских взаимных предубеждений и стереотипов, обострившихся на стадии нациентроительства в Российской империи пореформенного периода и помещаемых в исторический контекст; г) как в самом широком смысле польская «тема» в русской культуре и славистике, в той или иной степени коррелирующая с концепцией славянского единства/ славянской общности, братства и т.п. Л.М. Аржакова корректно обосновала более привычный хронологический способ изложения, однако отчетливая трансформация трактовки термина «польский вопрос» или его концептуализации на протяжении всего XIX века так и не произошла: на протяжении столетия (1815–1914) имело место постоянное обращение к одним и тем же историческим сюжетам, ключевым вопросам. Оценки причин польских восстаний мало изменялись и почти никак не пересматривались даже со сменой методологических курсов и историософских схем (романтизм – позитивизм – эволюционизм – экономизм – марксизм и др.). Парадоксальность трактовки «польского вопроса» заключается именно в необыкновенной живучести одних и тех же интерпретаций, немногочисленности их вариаций, в стереотипизации восприятия, осуществляемого через призму естественного для этапа формирования национальной идентичности российского исторического этноцентризма. К такому выводу приводит нас многоаспектный историографический анализ автора докторской диссертации.

Но, принимая предлагаемый способ описания историографической традиции, отмечу, что избранная Ларисой Михайловной периодизация исторической полонистики девятнадцатого столетия на четыре хронологических отрезка, – нуждается в более четком обосновании (до 1825 года, 1830–1850-е гг., 1860–е–1870-е гг. и 1880–1890-е гг.). В предпринятом членении диссертантка опирается на применявшийся и ранее критерий соответствия этапов развития исторической дисциплины общественным процессам: «моделирование историографического процесса с уклоном в сторону общественно-политических явлений ..., по-видимому, не должно вызывать особых возражений» (с. 65).

К таким событийным точкам Л.М. Аржакова относит Ноябрьское восстание, начало реформ в России и Январское восстание; критерий разделения полувека (1870–1915 гг.) на два этапа – до 1880-х и с 1890 гг., остается не очень ясным. Данная (всегда условная, – о чем пишет и Лариса Михайловна) периодизация представляется мне не очень эффективной. В данном членении довольно затруднительно избрать один-единственный критерий: если восстания вызывали острую реакцию общества и активизировали историческую рефлексию о «польском вопросе», то что происходило до того? Почему завершающей точкой первого периода служит 1825 год (воцарение Николая? Восстание декабристов? Первые тайные общества в Царстве Польском?) Быть может, в этом случае критерием следовало было бы избрать эволюцию национального самосознания в русском обществе? 1830–50-е – становление официальной доктрины русского национализма; 1860–70-е – расширение социального фундамента, новый этап осмысления особенностей русской нации в полемике славянофилов и западников; 1880–90-е – развитие научных и политических, философских доктрин национализма, борьба за национальное самоопределение славян, обострение национальных вопросов внутри Империи.

Первая глава, («носящая вводный характер» – с. 19 автореферата) посвящена обзору сведений о Польше и поляках в исторических сочинениях «русских земель» (Там же) – начиная с «Повести временных лет» и до описаний русских путешествий в славянские земли в конце 1820-х. Перечисляются упоминания и оценки большого круга разножанровых источников – главным образом XVII–XVIII вв., которые, в свою очередь, активно использовали польские хроники, записки иностранных и русских путешественников, исторические компиляции XIV–XVI вв. По этой причине автор диссертации упоминает польских историков XV–XVII вв. и их сведения о жителях Руси и Московии. Л.М. Аржакова считает эти труды имеющими отношение к «закладке основ отечественной полонистики» (с. 72).

Среди рассматриваемых текстов XVIII века – труды В.Н. Татищева, М.В. Ломоносова, Н.Н. Бантыш-Каменского, Н.М. Карамзина, записки С.Н. Глинки, В.Б. Броневского и др. Двух последних, как я полагаю, все же стоило бы выделить отдельно (в отдельный параграф или подраздел) – это авторы новой эпохи, представители романтической историографии. Наиболее важны, безусловно, сочинения Н.М. Карамзина, сформировавшие исторические представления нескольких поколений русского дворянства, ученых и литераторов. Как верно отмечает Л.М. Аржакова, полемизируя с некоторыми российскими и польскими коллегами, популярность и авторитетность суждений историка о польско-русском взаимодействии во-первых, опирались на существующие рефлексии опыта взаимных контактов и, во-вторых, сформировали

романтические клише национального менталитета (с. 119 рукописи, с. 21 автореферата). Однако Лариса Михайловна анализирует, кроме «Истории», и текст «Записок русского гражданина» (1819), который редко привлекается полонистами, чтобы показать неоднозначность точки зрения романтического историографа (с. 104–105). Это позволяет ей подчеркнуть последствия одного из первых научных трудов XIX в., определивших столетнюю тенденцию тесного взаимодействия «польского вопроса» с представлениями о ходе русской истории. Оно, в свою очередь, задало и идею противоборства двух национальных мессианских идеологем – польской и русской.

Диссертантка показывает, что именно в сочинениях Карамзина нашла отражение первая историософская рефлексия о судьбе разделенной Речи Посполитой (с. 102–103), тесно соединявшаяся с размышлениями о ходе русской истории и ее отношениях с западноевропейским миром. Она подчеркивает, что Н.М. Карамзин обращается и к событиям Смутного времени, чтобы обосновать правильность и историческую справедливость решений Екатерины Великой в отношении Речи Посполитой.

Вторая глава «Польский вопрос и польские студии 1830-х–1850-х гг.» открывается анализом сочинений, созданных непосредственно во время событий Ноябрьского восстания и русско-польской войны 1830–31 гг. и после него. Л.М. Аржакова вполне обоснованно включает в анализируемый в диссертации перечень публицистических сочинений произведения, созданные в неисторическом в строгом смысле жанре: поэзию (А.С. Пушкина, В.А. Жуковского), музыку (опера Глинки «Жизнь за царя»), политическую публицистику (М.С. Лунин, П.Я. Чаадаев), дневники и мемуары (П.А. Вяземский, Д.В. Давыдов). Она справедливо полагает, что они в той или иной степени отразили настроения общества по поводу польского восстания, и конфликт, который возник в рядах культурной элиты в связи с публикацией знаменитых пушкинских стихотворений и не только их, названных П.А. Вяземским «шинельными», отразил две позиции. Эти противоречия не могут быть объяснены простой декларацией оппозиции консерватизм, охранительство / либерализм, прогрессизм. Однако в данном случае следует, на мой взгляд, очень осторожно (во всяком случае, это нуждается в комментариях) рассматривать эти источники в качестве репрезентативных в связи с «польским вопросом» в общественно-политическом контексте. Дневники В.А. Жуковского были опубликованы много позже, его точка зрения была известна в очень узких кругах личных корреспондентов, а сочинение Д.В. Давыдова (как подчеркивает сама диссертантка) публиковался в Лондоне только в 1860-х гг., и со значительными купюрами. Со статьей М.С. Лунина был знаком очень ограниченный круг лиц и только в 1850-е гг., письма П.Я. Чаадаева А.С. Пушкину (равно как и

А.И. Тургенева брату), не публиковались, а его статья осталась в рукописи; стихотворения Ф.И. Тютчева и А.И. Одоевского не получили такой известности, как пушкинские. Каков в этом случае критерий различения индивидуальной позиции и разделяемой обществом точки зрения?

Несмотря на изобилие работ исследователей пушкинского творчества, их авторы разнятся в оценках того, в какой мере можно считать эти стихи антипольскими (довольно убедительной представляется и позиция тех, кто доказывает, что они в большей степени противопоставляли Россию Европе (Франции в частности) – с позиций подданного Империи). Что касается точки зрения П.А. Вяземского, то в данном случае ее следует интерпретировать как эволюционировавшую и находящуюся в тесной связи с его отношением к созданию Царства Польского и политике Александра I. Ведь Вяземский служил в Царстве Польском, знал поляков и польский язык, и по этой причине считался «экспертом» по польскому вопросу. Его суждения до Ноябрьского восстания отражены в записных книжках более раннего периода (1817–1821 гг.) и в них при всех симпатиях он вовсе не выглядит полонофилом, возлагая на Александра ответственность за судьбы поляков после 1815 г. (впрочем, так же, как и Д.В. Давыдов, весьма резко критиковавший благодушие императора в отношении поляков и его стратегические ошибки в отношении Царства Польского). Эти материалы (ранние впечатления Вяземского) можно было бы включить в первую главу.

Не совсем понятно, почему автор, аргументированно рассматривая во второй главе значение произведений Пушкина и Гоголя, даже не упоминает в первой главе пласт художественных и драматических произведений на польскую тему, создававшихся в период наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года (оды, оперы, пьесы), актуализировавшие события двухсотлетней давности, во многом подготовившие почву для восприятия «польского мятежа» в широких кругах общества, настроенного патриотически.

В этой же главе диссертантка подробно рассматривает исторические труды М.П. Погодина, рукописи учебников Н.И. Павлицева и О.М. Бодянского, а также статью А.Ф. Малиновского, в которых «польский вопрос» нашел несколько иное, чем в поэзии и публицистике, воплощение. Следует отметить детальный и интересный анализ эволюции восприятия «польского вопроса» М.П. Погодиным, ранее в избранном ракурсе и столь подробно еще не осуществлявшийся в отечественной полонистике. Как показывает диссертантка, исторические сочинения 1830х–1850-х гг., разбирая польско-русские отношения, обращаются в первую очередь к своеобразию политического устройства Речи Посполитой (шляхетская демократия), возлагая на нее ответственность за слабость и

нежизнеспособность национального государства на последнем его этапе, во-вторых, исходят из концепции исторического наследия Российской империи («коренные русские земли»), и, в-третьих, акцентируют внешнеполитический, европейский фактор в обострении «польского вопроса». В этой же главе Л.М. Аржакова рассматривает ранние (1850-х гг.) работы С.М. Соловьева.

Третья, центральная и самая обширная из четырех *глав* «Польский вопрос и полонистика в 1860-е–1870-е гг.» посвящена «переломному периоду» (с. 219) в истории и общественной жизни России, который автор соотносит с реформами 1860-х гг. Вполне закономерно, что «польский вопрос» получил наиболее активное и многожанровое освещение именно в эти годы также в связи с реакцией на польское восстание 1863–64 гг. В этой части представлена (в хронологическом порядке публикаций) реконструкция взглядов более 40 историков и публицистов на «польский вопрос» и на отдельные аспекты интерпретации ими политической и этноисторической самобытности польского народа в целом.

Автор диссертационного исследования эту главу (как и предыдущие) не стала членить на отдельные части и фрагменты, что очень затрудняет ориентацию. Полагаю, что систематизация столь большого (с. 219–368) текста не только облегчила бы восприятие, но или тематически, или проблемно, или жанрово объединила бы многочисленных авторов в группы или направления, что помогло бы более отчетливо репрезентировать спектр позиций в отношении к «польскому вопросу». Например, логично было бы рассмотреть в отдельном параграфе научные исследования, посвященные крестьянскому вопросу в малороссийской, польской и российской истории (труды А.М. Лазаревского, И.Л. Горемыкина, В.А. Мякотина, А.А. Корнилова – сочинения двух последних рассмотрены автором в четвертой главе, в соответствии с хронологическим принципом изложения).

Почти все анализируемые в этой главе источники можно разделить на две категории: те, в которых использовано понятие «польский вопрос» (и они, таким образом, дают возможность определить область его значений), и те, в которых игнорируется данный термин – в них он понимается более чем расширительно, с акцентом на польскую историю. Из нее, в свою очередь, толкованию подвергаются несколько ключевых эпизодов: польско-русские конфликты домосковского периода, интервенция Смутного времени, эпоха выборных королей, политические реформы Станислава Понятовского и диктат Екатерины, разделы Речи Посполитой, затем Конституционное Царство Польское и два польских восстания.

В этой части диссертационного исследования автор демонстрирует превосходное знание современных отечественных (более чем многочисленных) полонистических исследований и критических обзоров произведений отдельных историков XIX века, а также знакомство со всеми главными работами польской историографии по этой проблематике. Диссертантка владеет мастерством корректной полемики – она вступает в дискуссию с современными коллегами и убедительна в доказательстве своей позиции. На наш взгляд, следовало бы в большей степени «отозваться» или прокомментировать влияние славистического научного дискурса (и этнографической его «линии») на полонистические изыскания этого времени. Во-первых, многие авторы (как показано в работе) были убежденными славянофилами. Во-вторых, и это важнее, развитие славистики и идей славянского этнического единства обостряло вопрос об отличиях «своих» (живущих в Российской империи) западных славян от прочих. И в этом отношении центральным оказывается вопрос о соотношении конфессионального и антропологического факторов в их влиянии на формирование польской идентичности. (Лариса Михайловна не останавливается подробно на причинах обострения межконфессиональных противоречий между православными русскими и поляками-католиками в период пореформенного нацистроительства.) Наконец, одной из основных проблем в российских оценочно-пристрастных характеристиках польского социума и в прошлом, и в настоящем, оказывается вопрос о носителе этнонационального сознания (актуальный в первую очередь для собственно российского общества). В общественной мысли России этой эпохи доминирует тенденция таковым объявлять народ в широком (нация) или узко-этнографическом (крестьянство) смыслах. Но в польском «случае» кажется очевидным, что это только одно сословие – шляхта, вот поэтому на него и возлагается историческая ответственность за судьбу народа. И даже объективация свойств национального характера, сделавших поляков заложниками своей судьбы (принимаемая всеми историками того времени) в сущности, осуществляется на основании описания шляхетского и только шляхетского сословия.

Несмотря на то, что эти проблемы не нашли отражения в тексте третьей главы, диссертантка справедливо заключает, что польский вопрос зачастую трактовался очень эмоционально и с явной остротой именно потому, что постоянно прочитывался в контексте актуальных политических и идеологических исканий в отечественной общественной мысли.

Особое место в данной главе – и это полностью оправдано – занимает подробный разбор сочинений С.М. Соловьева, и прежде всего труда «История падения Польши» (1863) (с. 267–286). Эта часть диссертационного исследования – самая важная, так как в

ней Л.М. Аржакова солидаризируется с точкой зрения Соловьева и А.Ф. Гильфердинга на хронологические рамки «польского вопроса» («родился вместе с Россией» – С.М. Соловьев) и его трактовку.

Четвертая глава называется «Польский вопрос и польская тематика в литературе 1880–1890-х гг.». В ней показано ведущее значение полонистических исследований в российской славистике. В это время, как верно отмечает диссертантка, главной проблемой полонистики становится вопрос о том, что делать с Польшей в составе Российской империи. Открывает главу анализ работ А.Н. Пыпина о Польше, поляках и «польском вопросе». Л.М. Аржакова права, когда усматривает во мнении либерального автора, известного антиславянофильскими взглядами, риторику славянофилов, «упрекавших» Польшу в ее неславянском «своеобразии» (с. 370). Диссертантка приводит известную фразу Пыпина о том, что в русской литературе «польский вопрос появился очень недавно» (с. 372) и пытается объяснить кажущуюся «парадоксальность» этого утверждения тем, что историк трактовал «вопрос» как проблему, предмет дискуссий, которых до появления русской литературы в 1830-х гг. просто не существовал. Лариса Михайловна с Пыпиным не согласна, приводя в качестве аргумента записки Н.М. Карамзина. Однако в данном случае я вынуждена признать правоту Пыпина, опираясь не на цитируемые работы, а на его представления об общественном и литературном процессе в целом (именно они были предметом его научных интересов). Он исходил, как известно, из концепции народности, которую рассматривал в переводе на язык современных понятий как этнокультурную идентичность внесословного характера, осознаваемую в широких слоях общества. То есть «вопрос» по Пыпину встает не тогда, когда Карамзин или Вяземский в 1820-х гг. не соглашались с единственно верным мнением государя и власть предержащих (что известно крайне узкому петербургскому кругу или друзьям), а тогда, когда альтернативная официальной точка зрения обнаруживает себя в полной мере в общественной мысли, в периодических изданиях, когда она становится предметом публичной и широкой полемики. И в этом контексте позиция Пыпина понятна, логична и вовсе не противоречива. Однако диссертантка, как уже говорилось, солидаризируется с мнением С.М. Соловьева (и это ее право), расширявшего «польский вопрос» до совокупности польско-русских отношений на всех уровнях взаимодействия двух государств. И это понятно, поскольку автор был если не основоположником (с чем не согласны некоторые исследователи), то выразителем идей государственной школы русской истории.

Значительное место в данной главе уделено обстоятельствам энергичной полемики между исследователями этого периода, что позволяет автору диссертации показать

эволюцию представлений о «польском вопросе» на фоне внутривосточных процессов правления Александра III и идеологии русификации. Не упрекая автора в понятном стремлении сосредоточиться на одном – полонистическом – аспекте в основной части исследования, позволю высказать недоумение по поводу того, что ни во введении, ни в заключении понятия «национальные вопросы» (или их конкретные примеры - еврейский, малороссийский, финляндский, мусульманский, инородческий) и «национальная политика» даже не упоминаются – а это чрезвычайно значимо для определения *специфики* восприятия польского вопроса русским обществом.

В 1880–90-е гг. важный вклад в российскую полонистику внесли ученые, взгляды и труды которых знаменовали собой новую страницу в осмыслении польского вопроса с новых позиций (в первую очередь В.Д. Спасович, Н.И. Кареев, А.Л. Погодин). Они хорошо знали исторические труды польских ученых, активно сотрудничали с ними, вступали с ними в научную (а не конъюнктурную) дискуссию, исходя из иного (не универсалистского) понимания исторического процесса и уделяя большое внимание вопросам формирования национального самосознания и идеям национального самоопределения. Новаторство этих авторов, как убедительно показано Ларисой Михайловной, однако, не могло привести к кардинальному пересмотру прежних оценок и представлений о «польском вопросе», хотя во многом изменило сам ракурс будущих полонистических изысканий.

В *Заключении* диссертантка подводит основные итоги проведенного исследования. Среди них хотелось бы выделить два вывода. Первый – о том, что «при всех достижениях российской исторической полонистики ... русские полонисты» «ориентировались прежде всего на историю России, прилагая к польским сюжетам российские мерки» (с. 466), что серьезно повлияло на содержание и интерпретацию «польского вопроса» не только в научной, но и в общественной мысли исследуемого периода. Второй – в своих оценках истории Речи Посполитой они исходили из представлений о «нормальном» историческом процессе, образцовым примером которого оказывалась Россия (с. 467). Таким образом, мы имеем дело с этноцентристской трактовкой парадигмы прогресса. Это заключение чрезвычайно важно и демонстрирует несомненный новаторский характер рецензируемого диссертационного исследования.

Работу завершает библиографический раздел, содержащий полный перечень использованных источников и литературы.

Все перечисленные замечания ничуть не умаляют значения и достоинств диссертационного исследования Л.М. Аржаковой. Напротив. Выбор столь сложной темы, оригинальный способ текстологического анализа весьма значительного круга источников, стиль изложения выгодно отличают эту работу от других добротных научных сочинений данного жанра: она написана ясным языком, живо, и в отдельных местах – в форме дискуссии с потенциальным читателем. На этот призыв трудно не отозваться, и наше несогласие с некоторыми методологическими приемами (но никоим образом не с заключениями) автора вызвано желанием откликнуться на творческое переосмысление им сюжетов и трактовок, до того считавшихся хрестоматийными.

Данная диссертация (в рукописи общим объемом 543 с.) является самостоятельным научным исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне. Содержание автореферата *полностью соответствует* содержанию рукописи диссертации. По теме диссертации опубликована монография и более 50 статей (из них 15 в ведущих рецензируемых научных журналах и периодике, рекомендованных ВАК), в которых адекватно отражены основные результаты исследования.

Все изложенное позволяет мне утверждать, что диссертационная работа Л.М. Аржаковой **«Польский вопрос и его преломление в российской исторической полонистике XIX века»** по теоретическому уровню, научной новизне и практическому значению удовлетворяет требованиям «Положения о порядке присуждения ученых степеней» от 24 сентября 2013 года № 824 (п. 9–14), предъявляемым ВАК Минобрнауки России к диссертациям на соискание ученой степени доктора наук, а ее автор заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – «историография, источниковедение и методы исторического исследования».

Доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения
Российской Академии наук

М.В. Лескинен

119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Тел. (495)938.17.80; e-mail: inslav@inslav.ru

Лескинен М.В. – 123154,
Москва, ул. Берзарина, 17-1-155,
тел. (499)946.90.79; e-mail: marles70@mail.ru

ВЕРНО. Подпись М.В. Лескинен достоверно
Заведующая кадрами
Людмила Луренная
"21" апреля 2015 г.